

**Кондратьева Светлана Борисовна**

**МЕРАБ КОНСТАНТИНОВИЧ МАМАРДАШВИЛИ: ОПЫТ  
ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ. ВЗГЛЯД ИЗ БУДУЩЕГО**

**Ключевые слова:** преподавание философии, место философии в образовательном процессе, философия как «сознание вслух», компетентностный подход, смена концептуальных оснований преподавания философии в вузе.

*Статья посвящена осмыслиению взглядов М.К. Мамардашвили на проблему преподавания философии в высших учебных заведениях, анализу роли философии в современном обществе и в системе образования. Показано, что, несмотря на присутствие философии как обязательной дисциплины базовой части учебного плана, можно констатировать отсутствие целостного образа ее преподавания. Основное внимание в работе акцентируется на изменении статуса философии в образовательном процессе.*

**Keywords:** *teaching philosophy, the place of philosophy in the educational process, philosophy as «consciousness aloud», competence approach, change of conceptual bases of teaching philosophy in high school.*

*The article is devoted to the understanding of M. K. Mamardashvili's views on the problem of teaching philosophy in higher educational institutions, the analysis of the role of philosophy in modern society and in the education system. It is shown that, despite the presence of philosophy as an obligatory discipline of the basic part of the curriculum, it is possible to state the absence of an integral image of its teaching. The main attention is focused on changing the status of philosophy in the educational process.*

Модернизации образовательного процесса, смена концептуальных оснований преподавания являются на сегодняшний день одними из ключевых проблем российского общества. Обращение к Болонскому процессу ставит перед отечественным образованием целый ряд вопросов, от решения которых зависит успех интеграции российского образования в систему европейских образовательных

стандартов. Результатом трансформации современного образования можно считать появление «компетентностного подхода», направленного на подготовку специалистов согласно требованиям современного рынка труда. Однако такой подход имеет целый ряд аспектов, требующих глубокого анализа исследователей, чьи интересы охватывают проблемное поле образовательной среды. Например, усиление профессионального блока дисциплин происходит за счет вытеснения ряда гуманитарных курсов, которые не представляют конкретно-практического применения для будущих специалистов отдельных областей знания. Подобной участи не избежала и философия, несмотря на ее, казалось бы, прочное положение в базовой части преподаваемых дисциплин. Наглядным примером тому может служить невостребованность отдельных курсов философских дисциплин, традиционно читавшихся до недавнего времени студентам всех профилей подготовки. Достаточно сказать, что будущие специалисты лишены возможности знакомства с логикой, этикой, эстетикой, а педагогические вузы полностью отказались от чтения курса «профессиональная этика», ставящего своей задачей формирование нравственного образа будущего учителя. Все это приводит к обоснованию необходимости философии для будущих специалистов независимо от их профессиональной направленности. Осмысление роли философии в образовательном процессе, на мой взгляд, невозможно без обращения к философам, чей опыт оказал огромное влияние на развитие отечественной философской и педагогической мысли. Таким философом по праву можно считать Мераба Константиновича Мамардашвили, взгляды которого считаю необходимым сопоставить с сегодняшней ролью философии в образовательном пространстве.

Преподавание философии в вузе рассматривается Мамардашвили как «фундаментальный просчет» и аргумент философа звучит основательно, поскольку философия – это часть жизни, переживание ее неповторимости и единичности. А потому, философия, как и вся система гуманитарного знания, должна быть направлена на развитие личности, на раскрытие «производящей духовной

клеточки». Однако философия, читаемая в вузе, далека от своего предназначения, поскольку ее преподавание не имеет ничего общего с философией как таковой. Действительно, курс философии, предлагаемый к изучению в вузах, носит пропедевтический характер, а потому перед преподавателем возникает дилемма – как охватить весь спектр философских концепций, каким философам отдать предпочтение в преподаваемом курсе и как сделать язык философии доступным для понимания. Мамардашвили, по мнению современников, удалось решить эту проблему, поскольку «ему удается говорить одновременно достаточно просто и понятно даже для людей без специальной профессионально-философской подготовки, и в то же время не упрощать сложный предмет и оставаться ему адекватным» [15]. Идея свободного размышления, характерная для Мамардашвили, как раз и является тем творческим актом, направленным на формирование критического мышления у студентов. Задача современного преподавателя сегодня очевидна – уход от пересказывания учебника и обращение к студенческой аудитории с целью осмыслиения проблемного поля философских вопросов. Но как научить студента думать, как научить вступать в полемику, умению четко аргументировать свою позицию? Как справедливо отмечается сегодня Е.В. Брызгалиной, отсутствие школьного курса философии препятствует «надстройке» философии над базовым школьным образованием и осложняет изучение философии в связи с отсутствием преемственности школа-вуз [2, с. 166].

Вопрос о том, как научить студента думать предполагает обращение к тем современным трансформациям в образовании, которые рассматриваются как инновационные, но еще не нашедшие своего должного применения. Например, к таким инновациям можно отнести цифровое образование, которое стоит на повестке дня в образовательных учреждениях. Медийные средства обучения, призванные расширять границы образовательного пространства, имеют как положительные, так и негативные стороны. Так, большим подспорьем для студентов

может служить обращение к интернет-ресурсам для прочтения учебной литературы, просмотра видеофильмов по исследуемой проблеме. Особенностью такого обучения с точки зрения его положительного качества следует считать возможность получения образования в удаленных от центра поселениях, студентов-заочников или обучение людей с ограниченными возможностями. То, что слайды, предлагаемые студентам на лекциях, способствуют улучшению качества образования, для меня представляется спорным вопросом. Например, чем интересен преподаватель, листающий и читающий мелькающий на экране текст? Не является ли это конспектом учебника, читающегося с экрана? И если мы говорим о том, что философия, как и любое гуманитарное знание, является знанием диалогичным, то каким образом формировать у студента критическое мышление без диалога с преподавателем и дискуссий с другими учащимися?

Нельзя не согласиться с Мамардашвили в том, что современное преподавание философии дистанцируется от индивидуального переживания жизни, а философские категории, заучивающиеся студентами для экзамена, не наполняются соответствующим содержанием [10, с. 21]. Обращение к философии возникает в тот момент, когда человек задает себе вопрос «как это возможно?», который одновременно является методом и способом существования живой мысли [10, с. 17]. И как бы остро не разворачивалась дискуссия о необходимости преподавания философии сегодня, аргумент, предложенный М.К. Мамардашвили, не подлежит сомнению, поскольку постановка подобного вопроса характерна для человека независимо от его профессии. «Да и как тут не связать результат с личностью? Мераб (Мамардашвили) ощущал себя вольготно в стихии устного «текста», проговаривания. И поэтому, если уж так поставить вопрос: стал ли он «устным» философом потому, что запрещали, или потому, что он сам так хотел, я бы ответила, что тут и то и другое было. Но главной с некоторого времени стала внутренняя потребность говорить, проговаривать философию и «говорить» свою

---

философию, как бы раскручивать мысль, идею во время разговора, живого контакта с аудиторией» [12, с. 280].

«Духовное переживание» – это движение мысли, опосредованное диалогом с философом, отсюда и сожаление Мамардашвили о том, что студенты вузов так и не соприкасаются с истинной философией, ограничиваясь текстами учебников. Предметом изучения философии, по Мамардашвили, выступают оригинальные тексты, а не учебники философии, с помощью которых постижение философии невозможно. Философское знание, его становление есть «внутренний акт», опосредующий другие действия. Но каким образом происходит приобщение к философии? Мамардашвили отдает предпочтение беседе с философом, а не курсу лекций, поскольку такое общение приводит мысль в движение, к духовному переживанию. Философия, преподаваемая в вузах предмет нельзя назвать философией в прямом ее понимании, поскольку изучение философии по учебникам не дает понимания философии, не раскрывает специфику ее предмета. Это всего лишь тексты, содержащие в себе краткое изложение философских понятий и концепций. С помощью изучения философии по книгам возможна лишь реконструкция философских событий, но не более. Только обращение к первоисточникам способствует встрече философа и читателя, к философской учебе, к способности совершения актов философствования. Н.В. Мотрошилова подчеркивает в этой связи, что «личностное восприятие – оно не такое, как в кондовой истории философии. Изучая какой-либо текст, историк философии, конечно, имеет дело с омертвевшим продуктом. Но его может занимать вопрос: а что было до этого, какие переживания, устремления личности философа вложены в текст? Важна не только работа с текстами... Личность философа. В чем я убеждена, не пропадает, не угасает в философском результате, а, так или иначе, выражается в нем» [12, с. 278]. Человек ищет ответы на вопросы, «вырастающие» из собственного опыта, и эти ответы лежат в плоскости философских понятий. Здесь и проявляется необходимость обращения к философской литературе. Таким образом,

в процессе наших испытаний мы приобретаем опыт, который не подвержен дедукции, каждый из которых уникален и благодаря которому человек прокладывает свой путь к постижению философии. Все, испытанное нами и есть философия. Философствуя, человек как бы «отказывается» от себя. Этот процесс Мамардашвили называет возрождением. Человек ищет ответы на вопросы, «вырастающие» из собственного опыта, и эти ответы лежат в плоскости философских понятий. Здесь и проявляется необходимость обращения к философской литературе. С помощью изучения философии по книгам возможна лишь реконструкция философских событий, но не более. Только обращение к первоисточникам способствует встрече философа и читателя, к философской учебе, к способности совершения актов философствования.

Мамардашвили подчеркивает, что все, испытанное нами и есть философия, а следовательно, в процессе наших испытаний мы приобретаем опыт, который не подвержен дедукции, каждый из которых уникален и благодаря которому человек прокладывает свой путь к постижению философии. Философ делает акцент на том, что философия не системное знание, а потому ее преподавание студентам негуманитарных специальностей невозможно. «Становление философского знания – это всегда внутренний акт, который вспыхивает, опосредуя собой другие действия» [10, с. 14]. Здесь, на мой взгляд, кроются первые «подводные рифы», которые обращают нас к словам философа о невозможности преподавания философии студентам-негуманитариям. Неправильная трактовка точки зрения Мамардашвили приводит студентов к мысли о том, что для будущих физиков, химиков, математиков, биологов философия представляется «лишним» предметом, лишенным практической пользы в дальнейшем. Однако такая точка зрения лишь свидетельствует о неподготовленности студента к изучению курса и его неспособности на данном этапе занятий к анализу текста в целом. М.К. Мамардашвили не отвергает идею преподавания философии студентам негуманитарных специальностей, а подчеркивает необходимость его преобразования,

поскольку концепция преподавания курса, выстроенная для негуманитарных специальностей, изначально не считалась с природой самой философии [10, с. 25]. Мамардашвили критикует инициаторов введения преподавания философии для студентов нефилософских факультетов, поскольку их стремление охватить в рамках преподавания предмета всю совокупность философских концепций и взглядов не представляет ничего общего с самой философией. Мыслитель подчеркивает, что преподаватели знали, что преподают не философию, а «единомыслие», лишенное мышления, что отразилось на структуре преподавания вузовской философии.

Если вернуться к цифровому образованию, определяющему современные тенденции подготовки будущего специалиста, то негативной чертой введения медийных средств в образовательный процесс можно считать отсутствие мотивации у студента к самостоятельной работе, к творческой самореализации. Упрощение подготовки к семинарским занятиям, поиск легких путей для выполнения домашнего задания вызваны не только доступностью материалов на интернет-пространстве, но и нежеланием студента анализировать и осмысливать прочитанное. В итоге преподаватель слушает изо дня в день одинаковые доклады, читает написанные как под копирку рефераты. Цифровое образование не ставит своей целью массово тиражировать плагиат, однако студент зачастую не способен уйти от шаблонных решений и думать самостоятельно. Поэтому проблемное изложение материала должно быть направлено на мотивацию студента к поиску решения на поставленные задачи, решение которых проходило бы в рамках дискуссий и, в свою очередь, порождала новые вопросы дискуссионного характера.

В рамках осмысления преподавания философии нельзя не задаться вопросом о том, каким должен быть человек, чья профессия направлена на раскрытие личности, на формирование критического мышления, способности к аргументации своей позиции в ходе дискуссий. Если задаться вопросом о том, кто является философом, то ответ на него также лежит в плоскости размышлений

Мамардашвили. Философ – это каждый человек в своей сущности. Профессиональный философ эксплицирует состояния особого рода, реализующие себя в рамках философского языка, а потому, признать философа интересным для студенческой аудитории возможно лишь в случае, когда студент извлечет для себя из лекции что-то важное и полезное. Обращаясь в своих размышлениях к читательской аудитории, Мераб Константинович ставит своей задачей пробудить в них обращение к философии, к вопросам, являющимся актуальными как для него самого, так и для своих слушателей [15, с. 44]. С этим невозможно не согласиться, поскольку для Мамардашвили философия – это одновременно и судьба, и образ жизни, и «сознание вслух». Сегодня философия находится в крайне сложном положении. Достаточно сказать, что такие дисциплины как этика и прикладная этика, философия науки и техники, философия религии и религиоведение относятся согласно паспорту научных специальностей к философским дисциплинам. Но что происходит на деле? Эти курсы читаются педагогами, психологами, врачами и т. д., то есть специалистами, не являющимися преподавателями философских дисциплин. Это часто приводит к недопониманию в профессиональном педагогическом сообществе. Аналогичная ситуация характерна и для дисциплины «История и философия науки», которая в лучшем случае делится на два блока, где историю науки читает представитель конкретного научного направления, а философия науки читается представителем философского сообщества. Но такая картина также претерпевает изменение, и все чаще приходится констатировать, что курс полностью отдается в руки преподавателей не-философского профиля. Схожее положение наблюдается и в преподавании религиоведения, которое также берутся читать культурологи, историки и, что характерно для нашего времени, священники.

Я никоим образом не подвергаю сомнению знания этих специалистов, но оспаривать знания преподавателей философии, присваивая себе часы философских предметов и нарушая утвержденную ВАКом сферу реализации

---

философского знания, считаю неуместным. Как следствие, согласно компетентностному подходу, для философии наиболее часто предлагалась одна компетенция – «ОК-1» – способность использовать основы философских и социогуманистических знаний для формирования научного мировоззрения. Стоит ли говорить, что и на эту компетенцию находятся свои «претенденты» из представителей не-философских или смежных социогуманитарных направлений, считающих себя способными реализовать ее на практике. В свете сказанного одним из приоритетных сегодня должен стать вопрос о соответствии читаемых кафедрами дисциплин паспорту научных специальностей. В противном случае это приведет к стойкому недопониманию между преподавателями, а возможно, и к конфронтации в образовательном сообществе.

Еще одним вопросом, представляющим интерес в рамках обсуждения проблемы преподавания философии в вузе, является вопрос академической свободы, который поднимает Мамардашвили в своих работах. Нехватка академической свободы, по мнению мыслителя, отсутствие автономии преподавания философии как дисциплины не способствуют решению задач образования и просвещения. Действительно, время преподавательской деятельности Мамардашвили можно по праву считать «идеологическим прессингом», которых Н.В. Мотрошилова рассматривает как «постоянную антиномию», характеризуя один из ее полюсов как «мощный и повседневный социально-идеологический прессинг, исходивший из системы, от ее институтов, многочисленных условий и существенно ограничивающий, порою подавляющий, свободу мысли и творчества» [13, с. 55]. И в этой сложной для философии ситуации Мотрошилова подчеркивает, что профессиональная, исследовательская философия тем не менее, находила возможность проявлять себя в рамках не только обязательных курсов философии, но и в рамках спецкурсов, количество которых постоянно увеличивалось. Стоит ли говорить о том, что в новом учебном году спецкурсы по философии не востребованы в большинстве учебных заведений. «Достойную» замену

им нашли спецкурсы по профессиональным направлениям, которые, согласно «компетентностному подходу», направлены на формирование «компетентного» студента, т.е. знающего, а не образованного, как это было принято ранее. Академическая свобода, о которой говорил Мамардашвили, это не способ выйти за рамки курса, сделав главной темой дискуссий вопросы философии, которые затрагивают сферы интересов лектора. И если, как показывают исследователи, свобода преподавателя в Китае дает возможность выбора формата, времени начала занятий и их регламента, то академическая свобода Мамардашвили – это возможность обратиться к философам, чьи имена не прописаны в обязательной программе преподавания, кто своими трудами будет способствовать раскрытию глубинного мышления студента, затрагивая их чувства. Философ определяет это следующим образом: «чувства человеческие как элемент культуры как раз и работают – в условиях свободного пространства – так, что люди способны узнавать себя, а не повторять как роботы одно и то же» [10, с. 25]. В этом смысле мысль о том, что Мамардашвили «наукообразный дискурс... считал вторичным по отношению к ее гуманистическим задачам» [14, с. 197] не может вызывать сомнений.

Актуальным вопросом для преподавателя философии можно считать и вопрос о том, как сделать курс понятным и интересным. Не ошибусь, если скажу, что каждую из читаемых дисциплин можно преподнести студенту таким образом, чтобы желание посещать занятия возникали не ради поставленных за это баллов, а ради познания и открытия чего-то нового. Для этого необходимо определить ряд задач, решение которых будет направлено на актуализацию вопросов, поднимаемых в ходе курса. Например, если компетентностный подход направлен на решение узкоспециализированных задач будущего специалиста, то возможно наполнить курс философии рядом вопросов, имеющих отношение к специальности студента. Это послужит дополнением к его профессиональным знаниям. Так, для студентов – будущих педагогов неотъемлемой частью профессиональной деятельности может стать возвращение в образовательную программу

курса «Профессиональная этика», для студентов-биологов будет нeliшним обращение к «Философии биологии». Также следует вернуть курс логики, который, независимо от подготовки студента, направлен на формирование логического мышления. Все эти задачи выглядят актуальными не только для расширения границ философского знания, но и для образовательного процесса в целом. Вариабельность изложения философского материала должна выходить за рамки чтения курса истории философии. Философско-педагогический курс необходимо строить таким образом, чтобы способствовать рефлексии студента, его способности осуществлять переход от обыденного к философскому рассуждению. Это возможно в том случае, когда преподаватель в проблемном изложении материала поставит перед студентами вопросы, мотивирующие их на поиск решения, в ходе которого, в свою очередь появлялись бы новые философские вопросы дискуссионного характера. В противном случае «если не принимать никаких мер по расшатыванию инфантильной «оценочной позиции», а, напротив, поощрять предъявление так называемого «собственного мнения», то в результате начнется быстрое строительство ситуативно-обывательского, если так можно выразиться, мировоззрения» [8, с. 66].

Современная образовательная парадигма строится сегодня на фундаменте экономического обоснования производительности труда будущих выпускников. И здесь возникает еще одна проблема, встающая перед преподавателями философии – вопрос прагматического подхода к читаемому курсу. Нельзя не согласиться с мнением о том, что, расширяя возможности интернет – обучения в рамках вебинаров, образование приобретает коммерческий характер, превращаясь в один из успешных бизнес-проектов. И, как подчеркивают исследователи, «эффективность сетевых коммуникаций серьезно смутила представление о конечных задачах обучения: доход от бизнеса стал считаться ведущим, продажа программ стала исчерпывающей целью пропагандируемого образовательного будущего» [20, с. 27]. Действительно, достаточно взглянуть на доклад Центра

стратегических разработок и Высшей школой экономики «Двенадцать решений для нового образования» [5], чтобы понять, то основной акцент в рассмотрении недочетов современного образования делается на слабом влиянии образования на экономический рост государства. Например, подчеркивается, что «политика развития образования в России до сих пор в значительной мере была ориентирована не на вклад в экономическое и социальное развитие страны, а на внутренние проблемы системы, исходила в основном из представления об образовании как о сфере социальных обязательств. Но сегодня она может и должна отвечать на вызовы развития страны – обеспечивать вклад в ускорение экономического роста...» [5, с. 11].

Вопрос о том, как «внедрить» философию в систему экономического роста непраздный. В погоне за прибылью не оставляем ли мы в стороне человека? Вот здесь и возникает вопрос об апологии философии, о ее необходимости каждому человеку независимо от профессии. И если мы вернемся к взглядам Мераба Константиновича Мамардашвили, то показательным примером его преподавательской деятельности можно считать те отзывы, которые он оставил в сердцах своих слушателей. Проиллюстрировать это можно словами искусствоведа Паолы Волковой, чьи воспоминания о лекциях Мамардашвили звучат следующим образом: «...я пришла на психологический факультет университета слушать его лекции. То, что я услышала, меня изумило до бесконечности. И тогда я стала приглашать своих друзей на его лекции... Мераб меня потряс. Я слышала очень много хороших лекторов.... Но с Мерабом было ощущение того, что вы вместе мыслите вслух. Он включал аудиторию в процесс рождения мысли. Сейчас очень трудно даже понять, что это такое. Есть люди, которые могут мыслить с пером в руках. А есть люди, которые мыслят так, что вы видите мысль как рождающийся творческий акт. Он нас включал в очень насыщенный слой культуры, мы попадали в целое культурное пространство. Философы, наверное, очень хорошо могут рассказать о том, что такое философия Мамардашвили. Я могу сказать, что он был

уникальным носителем целого мира культуры. И я поняла, что студентам очень важно это слышать» [4].

Полемику о том, как сегодня читать курс лекций по философии можно еще продолжить. Как правило, она зиждется на двух антиномиях, одна из которых прочно стоит на позиции преподавания истории философии, а другая настаивает на необходимости развивать мышление студента с учетом анализа актуальных проблем современности. Решение задачи, на мой взгляд, не сводится к запоминанию имен и концепций, к способности зазубрить и сдать этот не всегда понятный предмет. Нет, задача преподавателя философии как раз и состоит в том, чтобы сделать свой предмет понятным и интересным, погрузить студента в исторические аспекты философского знания с анализом их актуальности на сегодняшний день. Жизнь человека мыслящего невозможна без «стремления к мудрости», без рефлексии различных жизненных ситуаций. А потому, надежда на то, что философия по-прежнему будет занимать свое достойное место в ряду других дисциплин образовательного пространства, не лишена уверенности.

### ***Список литературы***

1. Балаев Н.О.-О. Мыслитель и время: опыт Мамардашвили // Вестник Вятского гос. ун-та. – 2011. – №1–4. – С. 49–52.
2. Брызгалина Е.В. Компетентностный подход и будущее социогуманитарного образования // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. №4. – 2013. – №1 (23). – С. 162–169.
3. Брызгалина Е.В. Философия образования в контексте традиций и инноваций // Человек вчера и сегодня: междисциплинарные исследования. Вып. 4. – М.: Ифран, 2010. – С. 3–18.
4. Волкова П. Паола Волкова о том, что больше не повторится [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.arzamas.academy/Что%20больше%20не%20повторится>

5. Двенадцать решений для нового образования // Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школой экономики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hse.ru>data/2018/04/06/1164671180/Doklad>
6. Знепольский Б. Как преподается и как должна преподаваться философия // Отечественные записки. – 2002. – №2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magazines.russ.ru>Отечественные записки>2002/2/znep.html>
7. Инюшина И.А. Концепция «реальной философии» М.К. Мамардашвили как возможная модель преподавания философии // Russian Agricultural Science Review. – 2015. – Т. 6. – №6–3. – С. 150–155.
8. Карелин В.М. «Философия» как учебный курс: смена концепта / В.М. Карелин, Н.И. Кузнецова, И.Н. Грифцова // Высшее образование в России. – 2017. – №10. – С. 64–74.
9. Кондратьева С.Б. Зачем студенту философия: проблемы преподавания философии в высшей школе // Проблемы современного образования. – 2018. – №2. – С. 27–32.
10. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – 415 с.
11. Мотрошилова Н.В. Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pdf.knigi-x.ru>...merab-mamardashvili...motroshilova...>
12. Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. – М.: Академический Проект, 2012. – 376 с.
13. Мотрошилова Н.В. Социокультурный контекст 50–80-х годов XX века и феномен Мамардашвили // Ценности и смыслы. – 2011. – №7 (16). – С. 54–72.
14. Нижников С.А. М.К. Мамардашвили о преподавании философии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.elib.bsu.by>bitstream...149267...Нижников\\_Конференция...](http://www.elib.bsu.by>bitstream...149267...Нижников_Конференция...)
15. Пашкова Н.В. Безграничное пространство мысли Мамардашвили // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №4. – С. 44–47.

16. Пущаев Ю.В. К выходу в свет собрания трудов М.К. Мамардашили // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.vphil.ru/index.php?option=com\\_content&task=view&id=240&Itemid=52](http://www.vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=240&Itemid=52)
  17. Розов М.А. Чего мы ждем от философии? (Заметки старого преподавателя) // Высшее образование в России. – 2010. – №8–9. – С. 20–29.
  18. Свасьян К. Почему перевелись философы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.com/ru/почему-перевелись-философы/a-15548297>
  19. Южанинова Е.Р. О методах, формах и средствах преподавания философии в вузе // Вестник Орловского гос.ун-та. – 2014. – №3 (164). – С. 108–113.
  20. Ярославцева Е.И. Человек в цифровом пространстве – допуск к образованию или просвещению? // Высшее образование XXI века. Доклады и материалы симпозиума «Высшее образование и развитие человека». – 2015. – С. 27–36.
- 

*Кондратьева Светлана Борисовна* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Россия, Москва.

---